

Исследовательская статья

УДК 008.009:39

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-3-27-104-123>

НИС SUNT DRACONES: «ЧУЖОЕ» ПРОСТРАНСТВО В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ КАРТИНЕ МИРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕЙОРАТИВНОЙ ТОПОНИМИИ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Евгений Владимирович Романин

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
st027419@student.spbu.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается восприятие «чужого» пространства в картине мира носителей английского и русского языка на материале пейоративных названий чужих стран и городов. Источником поиска материала для исследования послужили англоязычные и русскоязычные интернет-порталы как среда, особенно благоприятная для бытования и сбора языкового материала подобного рода вследствие эффекта «сетевого растормаживания». На основании анализа внутренней формы слова и стадийной модели дихотомии «свой — чужой» с постепенным переходом от биологического к культурному, предложенной В.Г. Лысенко, предпринимается попытка вывести основные схемы, по которым строятся уничижительные топонимы, а затем — сравнить характеристики, которое получают «иные земли» в рамках англоязычного и русскоязычного ксенофобического дискурса, и по мере возможностей выстроить целостный образ концепта «чужого пространства» в английском и русском коллективном мировосприятии. В результате исследования в английском и в русском языках найдено большое количество отрицательно окрашенных топонимов. Они проявляют явно сходные черты и в формальных особенностях словообразования, и в семантике, однако фиксируются и некоторые специфические моменты, из чего можно вывести сходства и различия в английском и русском восприятии концепта «чужого пространства». В целом выявлено значительное сходство между английскими и русскими уничижительными именами мест: в обеих картинах мира иной топос предстаёт как уродливое, неприятное место, где живут люди (а иногда и не совсем люди), наделённые странными, аномальными, пищевыми привычками и противоестественными сексуальными предпочтениями, где пространство само по себе искажено и ущербно.

© Романин Е.В., 2023

Ключевые слова: своё, чужое, пространство, ксенофобия, пейоративная лексика, топонимия, английский язык, русский язык

Для цитирования: Романин Е.В. Hic Sunt Dracones: «Чужое» пространство в английской и русской картине мира в зеркале пейоративной топонимии английского и русского языков // Концепт: философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7, № 3. — С. 104–123. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-3-27-104-123>

Research article

HIC SUNT DRACONES: FOREIGN SPACE IN THE ENGLISH AND RUSSIAN WORLDVIEW AS REFLECTED BY THE PEJORATIVE TOPONYMY OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Evghenii V. Romanin

Independent researcher, Saint Petersburg, Russia
st027419@student.spbu.ru

Abstract. The article examines the perception of the *foreign* space in the English and Russian native speakers' worldviews based on the pejorative names of foreign countries and cities. English-language and Russian-language Internet sites were used as the source of data for the research, since this environment is especially favorable for the existence and collection of language material of this kind due to the online disinhibition effect. Based on the analysis of the inner form of the word and the stadial model of the *Us—Them* dichotomy with a gradual transition from the biological to the cultural, proposed by V. G. Lysenko, an attempt is made to derive the main patterns of making derogatory toponyms, and then to compare the characteristics that *foreign lands* receive within the English and Russian xenophobic discourse, and, as far as possible, to build a holistic image of the concept of *foreign space* in the English and Russian collective worldview. As a result of the study, a large number of negatively marked toponyms were found in the English and Russian languages. They show clearly similar features both in the formal peculiarities of word formation and in semantics, however, some specificities are also found, which makes it possible to deduce similarities and differences in the English and Russian perception of the concept of *foreign space*. In general, a significant similarity between English and Russian pejorative names of places is revealed: in both worldviews, different topoi appear as an ugly, unpleasant place inhabited by people (and sometimes not quite people) demonstrating weird, abnormal eating habits and perverted sexual preferences, where the space itself is distorted and defective.

Keywords: own, *foreign* space, xenophobia, pejorative vocabulary, toponymy, English language, Russian language

For citation: Romanin, E. V. (2023) 'Hic Sunt Dracones: *Foreign* Space in the English and Russian Worldview as Reflected by the Pejorative Toponymy of the English and Russian Languages', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 7(3), pp. 104–123. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-3-27-104-123>

Введение

Дихотомия «своего» и «чужого» является одной из основообразующих бинарных оппозиций, присутствующих в любой культуре и несущих при этом ярко выраженный оценочный характер. Одним из главных элементов оппозиции «свой — чужой» выступает пространственное противопоставление. Практически во всех культурах «своё» пространство связывается с понятиями порядка и защищённости, тогда как для «чужого» характерны хаос и опасность. Вопросами дихотомии «свой — чужой», в том числе её пространственным измерением, занимались такие зарубежные и отечественные специалисты, как Г. Зиммель, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, К. Леви-Стросс, М. Хайдеггер, М. Бубер, Ж. Деррида, Э. Левинас, Ж. Лакан, Б. Вальденфельс, П. Рикёр, М. Фуко, Э. Саид, Ч. Спивак, Э. Янг, Х. Бхабха, Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, А.Б. Пеньковский, В.Г. Лысенко, О.С. Якушенкова, Е.Г. Брунова и многие другие.

Как всё угрожающее и неприятное, в языке чужая местность часто получает имя, наделённое отрицательной окраской. Исходя из этого положения, материальным выражением восприятия заграничного пространства в английской и русской картине мира могут в том числе служить многочисленные пейоративные топонимы (далее — ПТ), встречающиеся в английском и русском языках в рамках ксенофобического дискурса. Вопросы ксенофобного языкового инвентаря разбирали многие специалисты — А. Робак, И.Л. Аллен, Э.Э. Эриксон, В.И. Карасик, А.С. Архипова, А.И. Грищенко, Н.А. Николина, Я. Довгополь, Т.А. Цебровская и др., но дело в основном касалось наименований самих представителей чуждых групп (преимущественно этнических), тогда как имена мест их проживания, как правило, обходились стороной. Между тем, образ «чужого» находит своё отражение не только непосредственно в имени для него, но и в отрицательно окрашенных наименованиях территорий, населённых чужаками, а анализ внутренней формы таких топонимов, по нашему мнению, способен пролить свет на восприятие чуждого топоса, харак-

терное для мирозерцания рассматриваемых лингвокультурных общностей, так как, по нашей рабочей гипотезе, именно в них наиболее полно должна воплотиться идея «чужого» пространства, хаотического, непонятного и враждебного (в противоположность «своему» — упорядоченному, понятному и безопасному).

Конечная цель исследования — составить корпус таких топонимов для английского и русского языков, провести сравнительный анализ и на основании этого сравнения сформулировать общие и специфические свойства, характерные для концепта «чужого пространства» в английской и русской этнокультурной картине мира.

Объект исследования — пейоративы английского и русского языка, употребляемые по отношению к «чужому» пространству: названия других стран (при этом иногда «своих» с языковой точки зрения — как английский, так и русский можно считать плюрицентрическими языками), важнейших городов на «чужой» территории и некоторых других топонимов. Предмет исследования — модели, по которым строятся пейоративные топонимы в данных языках, и создаваемый на их основе образ чуждого топоса.

С теоретической точки зрения данное исследование будет интересно широкому кругу специалистов — не только русистов и англистов, но и всех, в чей круг научных интересов попадает дихотомия «своего» и «чужого» (лингвистов, этнографов, этнологов, культурологов, антропологов, и прочих).

С практической точки зрения исследование послужит более глубокому пониманию и более успешному поиску средств для решения этнокультурных и этноконфессиональных конфликтов в современном мире.

Источником для поиска изучаемой группы лексики послужили англоязычные и русскоязычные интернет-порталы как среда, особенно благоприятная для бытования и сбора языкового материала подобного рода вследствие эффекта «сетевого растормаживания» [Suler, 2004]. В ходе исследования были собраны пейоративные топонимы по отношению к чужим странам,

произведён анализ их внутренней формы, способа образования и семантики; на основании полученных данных было установлено, какими общими и специфическими чертами обладают в рамках указанных языковых картин мира концепт «чужого» вообще и образ чужого пространства в частности. Согласно результатам, и в английском, и в русском языках наблюдается большое количество отрицательно окрашенных топонимов. В целом они проявляют явно сходные черты и в формальных особенностях словообразования, и в семантике, однако фиксируются и некоторые специфические моменты, из чего можно вывести сходства и различия в английском и русском восприятии концепта «чужого пространства»¹.

Историческое развитие образа «чужого» пространства в русской и английской концептуальной картине мира

В картине мира древних славян, восстановленной Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым, дихотомия «своё — чужое» соседствует и в некотором смысле материально воплощается в противопоставлении «дом — лес». Оно «может быть истолковано в социально-экологическом плане как противопоставление [пространства, — *Е.Р.*] освоенного человеком, ставшего его хозяйством, [пространству, — *Е.Р.*] неосвоенному им», то есть дом соответствует «своему», а лес, иначе говоря, дикий, неподконтрольный человеку топос — «чужому» [Иванов, Топоров, 1966: 168]. Центром «своего» пространства является очаг, где происходит преобразование сырого, нечистого, неосвоенного в варёное, чистое и освоенное — напомним, что особую важность дихотомии сырой и обработанной пищи для понимания мифологического сознания отмечал ещё К. Леви-Стросс [Леви-Стросс, 2006]. Что касается чужого пространства, то это

может быть как собственно лесная чаща, так и иные «выморочные» места: «все стоячие воды (болота, омуты, пруды, озёра, трясины), овраги, трущобы, а также распутья, перекрёстки, границы полей и т.д.» [Иванов, Топоров, 1966]. Означенное противопоставление физически воплощается в образах человека и зверя (в частности, медведя), домового и других духов, связанных с различными частями дома и двора, лешего и т.п. Похоже, именно с этим противопоставлением должно связывать тот факт, что колдуны, осуществляющие символическую связь этого — «своего» — мира с потусторонним, миром «чужого», наряжались в звериные шкуры, олицетворяя собой полулюдей-полузверей (по выражению Иванова и Топорова — «гибридов») — находящихся на границе «своего» и «чужого».

Тему чужого пространства в русской культуре развивает Ю.М. Лотман. В статье «Понятие границы» Лотман пишет, что всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («своё») и внешнее («их») пространство, которые предстают соответственно как космос и хаос. При этом человек изначально погружён в реальное, данное ему природой пространство, но это оказывает непосредственное влияние на то, как он моделирует мир в своём сознании. Юрий Михайлович отмечает, что и само пространство за пределами семиосферы (под этим термином подразумевается «культурное пространство», в пределах которого осуществляется знаковая коммуникация и становится возможным семиозис, то есть процесс функционирования знаков культуры и культурных текстов) мыслится как своеобразный «антимир», хаотичный и лишённый внятной структуры, населённый всяческими чудовищами и inferнальными силами. При этом «...“нормальное” пространство имеет не только географические, но и временные границы. За его чертой находится ночное

¹ Следует оговориться, что в статье использован материал, собранный до начала Специальной военной операции — за последнее время корпус пейоративной топонимики расширился настолько, что для её рассмотрения потребовалось бы несколько полноразмерных статей.

время. К колдуну, если он требуется, приходят ночью. В антипространстве живет разбойник: его дом — лес (антидом), его солнце — луна (“воровское солнышко”, по русской поговорке), он говорит на анти-языке, осуществляет анти-поведение (громко свистит, непристойно ругается), он спит, когда люди работают, и грабит, когда люди спят, и т. д. [...] “Ночной мир” города также расположен на границе пространства культуры или за её чертой. Этот травмированный мир ориентирован на антиповедение» [Лотман, 1996: 266].

Представления о «своём» и «чужом» пространствах, существующие в английской культуре, точно так же уходят корнями в глубокую древность, во времена прагерманского единства, когда вселенная членилась на Мидгард и Утгард. Как пишет Е.Г. Брунова, «модель сакрального центра в древнеанглийском языке кодируется общегерманским концептом срединного мира, ср. др.-англ. *middan-geard*, др.-сев. *mið-garðr*, др.-в.-нем. *mitti-gar(t)*, гот. **midjun-gards* “земля, мир, вселенная”, что можно также интерпретировать как “среднее огороженное пространство”. [...] Это средний мир в вертикальном измерении (мир людей, которые живут на земле и под небом) и середина мира в горизонтальном измерении (своя земля, отгороженная от чужого и враждебного)» [Брунова, 2007: 35]. В той же работе приводятся примеры того, какие следы реликтовых мифопоэтических представлений о сакральном и безопасном центре и опасной периферии содержит современный английский язык. Это выражается в изоморфизме между подпространствами своего мира, когда центр приравнивается к дому, а дом — к своей стране, своей земле: *Home Counties* (графства, окружающие Лондон), *home port* (порт приписки, букв. «домашний»), *home page* (начальная страница сайта — сейчас и в русском языке используется калька «домашняя страница»), *to be / to feel at home in / with smth.* «хорошо владеть чем-л.» — и параллельно с этим *to be all abroad* «быть в замешательстве, заблуждаться», букв. «вне дома, за границей»; *far-out* «не от мира сего», букв. «далекий и внешний» и т.д. [Брунова, 2007: 39–40]. На примере фразеологического материала,

проанализированного Е.Г. Бруновой, хорошо прослеживается ассоциация «своего» пространства с упорядоченным Космосом, «чужого» же — с дезорганизованным Хаосом.

Яркой иллюстрацией подобной концептуализации пространства, присущей уже более поздней общеевропейской христианской культуре средних веков, частью которой были и Англия, и Русь, впоследствии ставшая Россией, могут служить географические карты тех времён — инструменты скорее символического, чем практического познания мира. На средневековых *mapae mundi*, отражающих мышление их составителей (во многом ещё мифологическое), чётко прослеживается разница между освоенным и неосвоенным топосом. Если в пределах обжитых земель изображаются города, поля, деревья и люди, занятые сельскохозяйственным трудом, то чем дальше от центра ойкумены, тем фантастичнее становятся сюжеты. Дальние страны населяются всевозможными диковинными существами: пигмеями и великанами, кинокефалами — людьми с пёсыми головами, блеммиями, лишёнными голов, чьи лица располагались прямо на туловище, панотиями — карликами с огромными растопыренными ушами, а кое-где составители карт ограничиваются и вовсе лаконичными надписями «*Nis sunt dracones*» (здесь обитают драконы — *лат.*) [Даркевич, 2016]. Затем, в эпоху Великих географических открытий, известный мир понемногу стал расширяться, и вроде бы по мере его расширения менялись представления о пространстве — однако мифологическим воззрениям часто свойственно не растворяться без следа, а «затаиваться на время», уходить под спуд и продолжать пассивное существование в глубинах народного сознания, время от времени прорываясь наружу, подтверждением чему призвано служить настоящее исследование.

Таким образом, в диахронической перспективе мы можем наблюдать явный изоморфизм представлений англичан и русских (точнее, носителей английской и русской концептуальной картины мира) о «своём» и «чужом» пространстве: в обеих

картинах мира «своё» соотносится с домом, порядком и защищённостью, тогда как «чужое» — со внешним миром, хаотичным и опасным. В нашем исследовании предпринята попытка проанализировать, что представляет собой образ чужой земли на синхронном срезе — и как будет показано далее, сознание носителей современной культуры по-прежнему хранит отголоски того мировосприятия.

Особенности и функции пейоративной топонимики

Исследования отрицательно окрашенных названий мест в русском языке ранее проводились на материале микро-топонимики. Как пишет Е.И. Феоктистова, ссылаясь на данные «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А.И. Подвысоцкого, «появление этих топонимов обусловлено характером самих географических объектов. Пейоративные названия получают те географические объекты, которые опасны (болото-зыбун) или просто неудобны (далёкий покос, река с мутной, невкусной водой, высокая гора с трудным подъёмом) для человека. Так, можно с уверенностью говорить о пейоративном значении топонима Чёртова Лопатка (Свердл.). Это название образно и обозначает опасное для человека место (болото-зыбун). То же касается и гидронима Чёртова Ламбина, называющего “озеро близ г. Колы, весьма глубокое, в котором, по суеверию, опасно купаться, так как чёрт за ноги утаскивает”» [Феоктистова, 1979: 79]. Автор отмечает, что в пейоративном топониме обычно закладывается отрицательная характеристика именуемой местности: «приписываемая им принадлежность к определённому животному или сверхъестественным силам говорит о хозяйственной непригодности данных географических объектов или даже об опасности их. Эпитеты чёртов, волчий, собачий употребляются в данном случае как оценочные» [Феоктистова, 1979: 81]. Приняв данную посылку за истину, можно констатировать, что пейоративные топонимы выполняют

как эмотивную (выражение неприязни), так и в некотором смысле информативную функцию (содержат в себе предупреждение). На примерах, приведённых далее, посмотрим, приложим ли этот тезис к топонимам, называемым «чужое» пространство — большинство из которых относится к макротопонимике и представляет собой названия стран, городов и континентов.

Методология исследования

В основе нашей методологии лежит стадияльная модель дихотомии «свой — чужой», разработанная отечественным культурологом и антропологом Викторией Георгиевной Лысенко. В.Г. Лысенко считает, что для всестороннего понимания данного явления его следует рассматривать сквозь призму поэтапного перехода от эволюционно заложенного органического неприятия до сознательного отторжения, вызванного несовпадением ценностных ориентиров. По мнению исследователя, стадиями такого перехода, вне зависимости от конкретной культуры, выступают следующие модели: этологическая, мифологическая, модель антиподов, модель рас, естественного состояния, детского состояния, пассаистическая и гетеротопическая [Лысенко, 2010].

Первая в ряду **этологическая**, она же **низовая ксенофобская**, модель задаёт биологически заложенные отторжение и настороженность к чужаку как к субъекту угрозы для «своей» группы. Гипотетическим эволюционным корнем этой модели может служить инстинктивное избегание иноплеменников как потенциальных носителей новых (а стало быть, опасных — по причине отсутствия иммунитета) болезнетворных микробов. Чужое связывается с агрессией, коварством, злонамеренностью, представители чуждой группы безобразны телесно и духовно, злы и враждебны по определению; в доведённом до логического завершения виде эта модель подразумевает выведение чужака за рамки человеческого рода и в предельно сжатом варианте может быть сформулирована как *мы — люди, они — нелюди*.

В рамках **мифологической (фантастической)** модели «чужак» мыслится как архетипический нарушитель всех норм и правил в противовес «своему», чей образ жизни есть живое воплощение данных норм и правил. Функция «своего» и «чужого» в культуре таким образом — самоутверждение в собственной нормальности. Мифологический образ «чужого» воплощает юнговский архетип Тени, «совокупностью всех низших черт характера в людях» [Юнг, 1997: 354]. Чужак представляется нарушителем всякого рода культурных табу. На фоне причудливых и диковинных обычаев и привычек чужаков «свои» традиции, «свой» образ жизни представляются единственно верными и разумными. Предельная формулировка: *мы — правильные, они — неправильные.*

В случае смежной с предыдущей модели **антиподов** «чужое» мыслится как нравственная антитеза «своему», своего рода антипример для подражания. В данном случае «своё» представляется средоточием позитивных свойств, в то время как «чужому» приписываются все негативные черты. В пример подобной модели В.Г. Лысенко приводит средневековую религиозную картину мира: наша вера — единственно правильная, все прочие же суть язычники, еретики и неверные. В этой модели на первый план тоже выходит образ чужого как нарушителя табу, однако если «мифологический» чужак нарушает табу просто по определению, то чужак-«антипод» предаётся этому занятию в силу имманентно присущей ему моральной ущербности. Предельная формулировка: *мы — праведники, они — грешники.*

Далее следует **расовая** модель: чужой осмысливается как принадлежащий иному подвиду, при этом чаще всего стоящему на низшей физической и умственной ступени развития. Первые расовые концепции, связанные с проблемой «своего» и «чужого» в культуре, выдвигались ещё древнегреческими философами, однако основной расцвет она пережила в Новое время в связи с колониальными захватами. Основоположник расово-антропологической школы, французский философ Ж.А. де Гобино отстаивал идею о наличии коренной раз-

ницы между расами — не только в смысле внешнего несходства, но и в интеллектуальном плане. Позднее расовые различия и продиктованный ими этноцентризм привлекают внимание Г. Лебона, Х.С. Чемберлена и идеологов германского национал-социализма. «Свои» в рамках данной модели неизменным образом относятся к высшей, более продвинутой расе и самими законами мироздания предназначены властвовать над инородцами, к которым неприменимы какие-либо законы морали. Предельная формулировка: *мы — высшие, они — низшие.*

При действии модели **детского состояния (инфантильной)** на «чужого» смотрят как бы глазами взрослого человека на ребёнка, он мыслится наивным, не таким развитым, но при этом более непосредственным. В дихотомии «Запад — Восток», географически воплощающей всё то же противопоставление «своего» и «чужого», детские черты приписываются восточным культурам [Саид, 2006]. Эта модель также типична для Нового времени. Предельная формулировка: *мы — взрослые, они — дети.*

Модель **естественного состояния** представляет «чужое» частью природы в противовес «своему», испытавшему влияние цивилизации и также характерна для эпохи Просвещения. В этом случае оппозиция «своё — чужое» соответствует делению по оси «природа — культура». По мнению В.Г. Лысенко, данная модель имеет существенный недостаток: «...она не позволяет чужому быть иным, а просто без остатка растворяет его в “своём”» [Лысенко, 2010: 67]. В данном случае проявления «чужой» культуры либо целенаправленно игнорируются, либо искренне представляются отсутствием всякой культуры. Здесь амбивалентный характер модели требует сформулировать два варианта предельной формулировки в зависимости от ценностного вектора: *мы — цивилизованные, они — дикари либо мы — испорченные, они — подлинные.*

Некоторым сходством с предыдущей обладает **пассеистическая** модель, в которой отразилось типичное для эпохи романтизма стремление рассмотреть в

«чужом» собственное прошлое (фр. *passé*), которое воспринимается как некий идеал, тогда как настоящее представляется его «искажённой» версией. Автор указанной классификации отмечает, что данная модель восприятия инаковости незападных культур стала своего рода следствием из инфантильной модели: «...детство остаётся самым лучшим, самым ярким периодом жизни, эдаким “золотым веком”, взросление же предстаёт как деградация» [Лысенко, 2010: 66] — утрата наивности и лёгкости детства. От себя добавим, что данная модель, похоже, амбивалентна: прошлое вовсе не обязательно осмысляется как светлое, и чужак, будучи осмыслен как пришелец из этого прошлого, вполне может рассматриваться как представитель более архаичной культуры, а его образ жизни, идеи и воззрения — как косные и устаревшие. Предельная формулировка здесь также нуждается в двух вариантах: *мы — прогрессивные, они — отсталые либо мы — деграданты, они — хранители устоев прошлого.*

Наконец, последней в ряду моделей, выдвинутых В.Г. Лысенко, является **гетеротопическая** модель. В её рамках «чужой» воспринимается как принадлежащий иному топосу, «чужая земля» понимается как источник новых впечатлений и полезных знаний. Здесь нельзя не добавить, что данная модель тоже амбивалентна и обратима на 180 градусов, и повторить, что иной топос зачастую рассматривается как неизвестный, враждебный и хаотический — в противовес «своему» пространству, знакомому, безопасному и упорядоченному. Предельная формулировка: *мы — местные, они — пришельцы* либо напротив: *мы — пришельцы, они — местные.*

Следует также сказать, что в более раннем изводе той же статьи [Лысенко, 2009] автором выделялась ещё одна модель — **универсалистская гуманистическая**, исходящая из установки, что и «свои», и «чужие» принадлежат к единому человеческому роду. Чужак может быть непонятен, непривычен, даже в чём-то раздражать, но он всё-таки — и в первую очередь — человек. По словам В.Г. Лысенко, именно эта модель доминирует в современном западном

мире. Впрочем, она тут же оговаривается, что универсализация часто производится на основе «нашего», тогда как «чужое» мыслится лишь как продолжение «нашего» и ценится «нами» лишь в той мере, в коей «мы» узнаём в нём себя. Предельная формулировка: *они — такие же, как мы.* Почему при переиздании статьи в другом сборнике данная модель из списка исчезла — судить не берёмся (имело бы смысл предположить, что автор счёл, будто в её рамках образ «чужого» окончательно замещается образом «другого» — однако В.Г. Лысенко никак не отделяет понятие «чужого» от понятия «другого»).

В итоге следует констатировать, что образ «чужака», во-первых, склонен меняться во времени, а во-вторых, оказывается определённым образом амбивалентен, ибо вызывает как отвращение, страх и неприязнь, так и ностальгию по утраченной «природной» чистоте.

Впрочем, как мы сможем увидеть далее, одна модель вовсе не исключает другой, так что можно говорить лишь об относительном преобладании какой-либо из них в рамках той ли иной картины мира. Данные модели могут сменять друг друга в рамках одной картины мира, но также способны и на сосуществование. В настоящей работе представлена попытка на основании внутренней формы (о понятии внутренней формы см. [Потебня, 1989]) и семантической мотивировки ксенопейоратива установить модель дихотомии, на базе которой «чужая» земля получает своё обидное прозвище: к примеру, если в прозвище реализуется идея о каком-либо физическом отклонении её населения, делается предположение о том, что в этом случае проявляется этологическая модель дихотомии. Если в основе пейоратива лежит идея о разнице в поведении, о том, что «чужое» — это в некотором смысле искажённая версия «своего», то это говорит о мифологической модели, аналогичным образом, идея о принадлежности чужака иному пространству говорит о гетеротопической, иному времени (а также всякого рода указания на косность, отсталость, недоразвитость) — о пассаистической, уподобление же чужака ребёнку свидетель-

ствуем об инфантильной модели. Сравнив полученные данные, мы можем (с той или иной степенью приближенности) сделать вывод о том, какая модель превалирует в данном языке. Эта стройная схема осложняется тем, что в действительности для экспрессивных единиц языка характерна своеобразная «лексическая синтетосемия», завязанная на языковой игре: в одной и той же лексеме может проявляться сразу несколько моделей — в таком случае не делается попыток установить, какая из моделей первична, лексема относится, таким образом, к нескольким группам.

Поле для исследования, как уже указывалось во введении, послужили англо- и русскоязычные сетевые площадки: тематические форумы, новостные и развлекательные порталы, личные блоги, анонимные имиджборды, всего около сотни сайтов различной направленности, на которых было выявлено в общей сложности около 300 примеров употребления пейоративных топонимов (в данной статье отражены лишь те, что показались нам наиболее репрезентативными). Изначальная попытка выдержать равную пропорцию англо- и русскоязычных источников оказалась безуспешна. Авторам замечена тенденция, согласно которой в англоязычном сегменте интернета употребление ПТ в целом ограничено ресурсами политической направленности (преимущественно явно правой политической ориентации, например, <https://dailystormer.name>), немодерируемыми площадками (такими, как упомянутые анонимные имиджборды) и метаязыковой функцией (в виде примеров в статьях сетевых словарей) — в русскоязычном же интернет-пространстве охват гораздо шире: так, в наше поле зрения попали форумы автомобилистов и футбольных болельщиков, развлекательные порталы, рассчитанные на широкую аудиторию, вроде pikabu.ru и fishki.net.

Из этого можно было бы сделать небезынтересные выводы сравнительно-социолингвистического характера, однако они выходят за рамки настоящего исследования, сосредоточенного на анализе культурно-языковых представлений, а не речевого поведения их субъектов.

Также стоит оговориться, что поиск производился без учёта частотности тех или иных ПТ в речи: автором было сделано допущение, что наличие хотя бы нескольких примеров бытования той или иной лексемы свидетельствует о наличии и действии той или иной модели в языковом сознании — если не массовом, то как минимум конкретной языковой личности как носителя соответствующей картины мира; поэтому, скажем, редкий ПТ *Геймерика* считался имеющим равный вес с широко распространённым ПТ *Гейрона* — что один, что другой расценивались как равноправные результаты действия мифологической модели, так как содержат указание на нарушение традиционного табу.

Пейоративные топонимы с точки зрения словообразования

По происхождению ксенопейоративные топонимы можно разделить на производные от других пейоративных лексем — этнонимов, как, допустим, топоним *Хохляндия* очевидным образом имеет своим источником этноним *хохол*, и непроизводные (т.е. они в любом случае обладают какой-то этимологией, но уничижительный оттенок появился изначально в самом имени места — таков, к примеру, топоним *Рашка*²).

Уничижительные топонимы можно сгруппировать морфологически (по способу образования) и семантически (по мотивирующему признаку, лежащему в основе номинации). Для исследования концепта «чужого» гораздо продуктивнее второй

² Вопрос о рассмотрении этого топонима и сходных с ним по референту в данной работе может являться предметом дискуссии, однако решено было остановиться на том, что он и подобные ему активно употребляются, во-первых, русскоязычными жителями зарубежья, а во-вторых, «внутренними эмигрантами» — оппозиционно настроенными жителями России, для которых она или, по крайней мере, Российская Федерация как государство, также может считаться не вполне «своим» пространством.

подход, однако, как увидим далее, сам способ словообразования в этом плане тоже бывает весьма репрезентативен.

С точки зрения способа образования среди ксенопейоративных топонимов можно выделить следующие:

1) образованные путём суффиксации
а) от нейтрального топонима (англ. *Swedistan*, рус. *Лондонабад*)

б) от нейтрального этнонима (англ. *Jewland*, рус. *Немецстан*)

б) от пейоративного этнонима (англ. *Frogland*, рус. *Хохлостан*);

2) образованные путём словослияния (анг. *Shitzerland*, *Binland*, рус. *Евжона*, *Фашингтон*);

3) образованные путём намеренного искажения формы нейтрального топонима (анг. *Murika*, рус. *Азербиджян*, *Латвиджа*);

4) иными способами.

Впрочем, гораздо более существенным для настоящего исследования является разбиение пейоративных топонимов на семантические группы.

Как в английском, так и в русском языке фиксируется образование пейоративных топонимов путём присоединения к некоей основе некоего форманта. И в английском, и в русском языке среди этих формантов выделяются своей продуктивностью форманты *-stan/-стан* и *-land/-ленд*. Если в английском языке формант *-land* очевидным образом не несёт оттенка чуждости, поскольку там это всего лишь одно из стандартных средств образования названий стран от имён населяющих их народов («земля таких-то»), то в русском языке ситуация гораздо более нетривиальна. При образовании имени места посредством данного форманта топоним на-

чинает «звучать по-иностранному», своей формой сигнализируя о чуждости. Таким образом, на смену родным и знакомым названиям (*Украина*, *Белоруссия*) приходят непривычные псевдоанглицизмы *Укроленд* и *Бульболенд*, созвучные с именами далёких и экзотических стран и земель (*Ньюфаундленд*, *Мэриленд*, *Свазиленд* и так далее). Другим объяснением может служить иноязычное — чуждое — происхождение самого форманта, таким образом, как минимум в ряде случаев (скажем, *Укроленд*, возможно, также *Пшекленд*), указывающее на подконтрольный статус территории, «подчинение заокеанскому хозяину».

Что касается форманта *-стан/-стан*, то он тоже широко используется в обоих языках в качестве элемента, придающего названию страны пейоративный (от иронического до откровенно оскорбительного, в зависимости от намерения говорящего) оттенок. Почти не вызывает сомнения, что в данном случае иноязычное происхождение форманта ощущается и намеренно обыгрывается что в одном языке, что в другом. Основой топониму при этом может служить как уже пейоративная лексема, так и нейтральное название указанной территории — в последнем случае негативную маркированность несёт в себе сам формант. В английском языке с его помощью от нейтральных топонимов образованы пейоративные *Germanistan*³, *Francistan*, *Swedistan*⁴, *Ameristan*⁵, *USAstan*⁶, *Europistan*/*Eurostan*⁷ и ряд других (отметим способность данного форманта примыкать в том числе и к аббревиатурам!). В русском видим параллельные образования (хотя в данном случае нельзя исключить и калькирование): *Шведостан*⁸,

³ Germanistan // Urban Dictionary. — 2018. — 30 may. — URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Germanistan>

⁴ Swedistan // Urban Dictionary. — 2017. — 25 jan. — URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Swedistan>

⁵ Ameristan // Urban Dictionary. — 2021. — 9 nov. — URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Ameristan>

⁶ #MakeDonaldDrumpfAgain // FreethoughtBlogs.com. — 2016. — 29 feb. — URL: <https://freethoughtblogs.com/pharyngula/2016/02/29/makedonalddrumpfagain/>

⁷ Europistan // Wiktionary. — 2023. — 25 may. — URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/Europistan>

⁸ Шведостан кипит. Арабы избили шведского подростка // РН /Нация. Свобода. Отечество/: ВКонтакте. — 2019. — 9 мая. — URL: https://vk.com/wall-15667008_260165

*Германистан*⁹, *Укростан*¹⁰, *Молдовастан*¹¹. Впрочем, большинство топонимов с данным формантом образуются всё же от корня, уже несущего пейоративную коннотацию (рус. *Пиндостан*, *Хохлостан* и многие другие, англ. *Frogstan/Froggystan* — Франция¹², *Krautstan* — Германия¹³ и др.).

Связано это, вероятнее всего, с широко укоренённым мнением о государствах Средней (и, шире, Центральной) Азии, таких как Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан и т.д., и вообще исламской культуры как о странах, находящихся на низком уровне развития. Другая мотивировка — желание придать звучанию страны обобщённый восточный оттенок как указание на то, что в настоящий момент большой процент её жителей составляют выходцы с Ближнего Востока — что не одобряется говорящим (например, *Swedistan* или *Германистан*). Наконец (по крайней мере, этот тезис выглядит верным для русского языка) в ряде случаев от какого-либо корня, содержащего отрицательную сему, просто-напросто удобнее (понятие «благозвучность» в нашем случае, кажется, не очень-то применимо) образовать топоним именно с этим суффиксом (поэтому, допустим, имеем, *Курвостан*, а не *Курвию — для обозначения Польши, *Ватостан*, а не *Ватию для России в украинском сегменте Сети).

Аналогичным образом в русском языке возникают названия городов: *Парижабад*, *Лондонабад* (а также *Москвабад*). В английском языке спорадически попадаются аналогичные примеры (*Londonabad*), но чаще используется добавление приставки *el/al*, заимствованной из арабского, где она используется в качестве определённого артикля: *El-Paris*, *Al-Berlin*.

В русском языке, помимо вышеозначенных, насчитывается некоторое количество образований на *-ландия/ляндия*, и *-ия*. Формант *-ляндия*, как кажется, в настоящее время постепенно утрачивает продуктивность, заменяясь на *-ленд* и особенно на *-стан*. Против этого, впрочем, говорит некоторое количество — хоть и весьма незначительное — образований вроде *Трамплиндия/Трамполяндия*, конкурирующих с *Трампостаном*, а также совсем эпизодически встречающееся *Порохляндия* — Украина (к этому времени уже успевшее стать историзмом), однако их количество всё же несопоставимо с образованиями на *-стан*. Что касается форманта *-ия*, то он, вероятнее всего, является наиболее ходовым для русского языка и собственным уничижительным оттенком не обладает, поэтому в функциональном отношении именно он, а вовсе не *-ленд*, должен быть сопоставлен с английским формантом *-land*.

Также отмечается уподобление другим топонимам: *Луганда* (от *Уганда*) — Луганская Народная Республика, *Домбабве* (от *Зимбабве*) — Донецкая Народная Республика. Нетрудно заметить, что они содержат отсылки на далёкие и неблагоприятные африканские государства с импликациями о бедности и дикости населения.

Топонимы, основанные на этнических стереотипах

Как в английском, так и в русском языке можно обнаружить пейоративные топонимы, имеющие в основе какое-либо стереотипное суждение о населении номинируемой территории. В число свойств, находящихся отражение в отрицательно окрашенной топонимике, входят:

⁹ Светофорное правительство ФРГ нашло "Окончательное решение (Endlösung) немецкого вопроса" // Livejournal Александр Розов. — 2022. — 3 янв. — URL: <https://alex-rozoff.livejournal.com/516996.html>

¹⁰ Хохлосрач // Зеркало Луркоморье. — URL: <http://lurklurk.com/%D0%A5%D0%BE%D1%85%D0%BB%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%B0%D1%87>

¹¹ Together forever // Liveinternet.ru. — URL: https://yandex.ru/turbo/liveinternet.ru/s/users/iwan_abramoff/post496148992/

¹² Froggystan // HLTV. — 2018. — 4 apr. — URL: <https://www.hltv.org/forums/threads/1745011/froggystan>

¹³ Romania thread // Gameruprising.to. — URL: <https://gameruprising.to/index.php?threads/romania-thread.2283/>

- внешний вид;
- пищевые привычки и предпочтения;
- сексуальные пристрастия.

Среди пейоративных топонимов, содержащих указание на стереотипный внешний облик населения (в широком смысле, то есть не только на цвет кожи, особенности фигуры и черты лица, но и, например, на манеру одеваться) можно отметить, скажем, англ. *Chinkland* 'земля щелей, т.е. узких глаз' — Китай, *Dotheadland* 'земля точкоголовых' — Индия, *Ragheadland* 'земля тряпкоголовых' — Ближний Восток (может иметься в виду как регион в целом, так и какая-нибудь из стран, принадлежащих этому региону), в русском же сюда входят *Хохляндия/Хохлостан* — Украина, *Узкоглазия*, *Косоглазия*, *Желтомордия* — Китай и вообще Юго-Восточная Азия, *Жирмерика* — США, *Черножопия/Черножопистан* — Кавказ и Средняя Азия.

Стереотипы о пище находят своё отражение в следующих англоязычных ПТ: *Krautland*, *Krautstan* 'земля/страна кислой капусты', *Sausageland* 'земля сосисок' — Германия¹⁴, *Frogland*, *Frogstan* 'земля/страна [где едят] лягушек' — Франция, *Dogeaterland* 'земля собакоедов' — Корея (чаще Южная — о Северной см. далее), *Spaghettiland* 'земля спагетти' — Италия, *Beanerland* 'земля фасольников' — Мексика. В русском языке данная группа не менее многочисленна: *Бульболенд*, *Бульбостан*¹⁵, *Бульбингем*, *Картофельная Империя* — Белоруссия, *Салоленд*, *Салостан*, *Салорейх* —

Украина, *Рисоедия* — Китай, причём некоторые из них семантически и структурно совпадают с упомянутым ранее английскими: *Макарония*, *Пиццаландия* — Италия, *Жабоедия* — Франция, *Собакоедия* — Корея.

Также некоторые ксенопейоративные топонимы образованы от имён, популярных, согласно стереотипам, у жителей данных территорий. В английском это, например, *Jockland* — Шотландия, *Teagueland* — Ирландия. В русском сюда можно отнести топонимы *Гогистан* — Грузия, *Фрицляндия* — Германия.

Наконец, нельзя не упомянуть пейоративные топонимы, содержащие стереотипы о сексуальном поведении, такие как англ. *Cuckistan* 'страна рогносцев'¹⁶ — США, *Norgay (Norway + gay)* — Норвегия, *Camelfuckerland* 'земля верблюдоложцев', *Goatfuckerland* 'земля козоложцев', *Sheepfuckerland* 'земля овцеложцев' — как и в случае с *Ragheadland*, это может быть Ближний Восток в целом либо какая-нибудь из стран, принадлежащих этому региону — и рус. *Пидорашка*, *Гейрона*, *Геймерика* и даже окказионализм *Пидормерика*, а кроме того, некоторые топонимы, указывающие на Ближний Восток, Кавказ или Среднюю Азию, семантически и структурно совпадающие с англоязычными *Goatfuckerland* и *Camelfuckerland*, привести которые здесь, однако, не представляется возможным по причине их обценной формы). Нетрудно заметить, что упоминаются в пейоративных топонимах именно те половые пристрастия, которые (по меньшей

¹⁴ To all the British living and working in Europe: what have you decided as a future course of action in regards to Brexit? // Quora.com. — URL: <https://www.quora.com/To-all-the-British-living-and-working-in-Europe-what-have-you-decided-as-a-future-course-of-action-in-regards-to-Brexit-stay-or-leave-have-you-applied-for-a-new-Nationality-or-are-you-taking-the-risk-option>

¹⁵ Про совецкий Бульбостан, расширенная версия // Livejournal voblya_river. — 2016. — 23 янв. — URL: <https://voblya-river.livejournal.com/30123.html>

¹⁶ Cuckistan – 1. США, 2. Гипотетическая фантазийная страна, где полностью победила идеология толерантности и мультикультурализма, и которая якобы оккупировала США; вообще это полноценный интернет-мем, вокруг которого существует своя мифология. Согласно онлайн-словарю Urban Dictionary, A place that was once a home for reasonable dialogue and free-speech that has been transformed into a feminist, social justice hell-hole. Populated by pathetic, low-T suffering men who's slavish attempts to placate angry feminists and millennial snowflakes earns them only derision and disrespect 'место, которое когда-то служило пространством для взвешенного диалога и свободы слова и которое превратилось в феминистический СЖВ-гадюшник. Населено жалкими мужчинами, страдающими от недостатка тестостерона, чьи рабелепные попытки угодить злобным феминисткам и миллениалам-снежинкам приносят лишь осмеяние и неуважение' (urbandictionary.com).

мере, традиционно) трактуются в обеих лингвокультурных общностях (англоязычной и русскоязычной соответственно) как табуированные и/или девиантные и особенно порицаются религией и моралью.

Почти все «стереотипные» топонимы, вероятно, можно соотнести с мифологической моделью дихотомии «свой — чужой», поскольку они содержат указания на неприемлемые и противоестественные для «своего» образцы поведения (или, по крайней мере, являющиеся неприемлемыми и противоестественными в рамках традиционной картины мира и шкалы ценностей). Указания на внешность являются исключением, так как они скорее ближе к этнологической модели, ибо указывают на физическую инаковость населения «чужих» земель.

Топонимы, основанные на дегуманизации

Топонимы, содержащие элемент дегуманизации, представлены в английском упомянутой ранее лексемой *Frogland*, что можно интерпретировать не только как 'земля, где едят лягушек', но и как 'земля, населённая лягушками'. В русском языке обращает на себя внимание *Свиностан*, *Свинорейх* — Украина. Иногда расчеловечивание сложно разглядеть с первого раза, как, например, в ПТ *Укрятня* — Украина. Корень укр- не содержит семы расчеловечивания, однако о нём сигнализирует суффикс *-ятн-* — в русском языке он применяется для создания лексем, означающих 'помещение, пространство для содержания животных': *голубятня, соколятня, крольчатня, крысятня, курятня* и т.д. *Укрятня*, таким образом, встраивается в данный семантический ряд и вызывает в воображении некий загон, в котором содержатся «укры».

Топонимы, имеющие в основе прецедентный феномен

В обоих языках довольно значительно количество пейоративных топонимов, имеющих в основе какой-либо прецедентный феномен. Наиболее часто это личное имя, кроме того, фиксируются пейоративные топонимы, образованные от прецедентных высказываний, событий и иных явлений (например, названий организаций), имевших место в прошлом или настоящем референтной территории. Данные прецедентные феномены объединяют связанные с ними отрицательные коннотации.

Подобные лексеммы выявлены в обоих языках, чаще всего образуются от имён особенно одиозных с точки зрения говорящего политических лидеров, связанных с именуемой страной. Среди имён преобладают актуальные на момент соответствующего речевого акта (*Assadland* — Сирия, *Kimland* — Северная Корея, *Putinland* — Россия, *Лукашенкостан* — Белоруссия, *Мугабия* — Зимбабве, *Обамия* — США, *Чавесуэла* — Венесуэла), но встречаются и исторические личности — скажем, англ. *Hitlerstan* — Германия, рус. *Кимирсениа* (в тех контекстах, где речь идёт не о названии орхидеи) — Северная Корея. Иногда можно наблюдать, как с течением времени и сменой политического лидера страна закономерно получает и новое пейоративное наименование: в 2008 г. США называли *Бушляндией*¹⁷, в 2015 — *Обамией*, с 2016 г. фиксируются *Трампландия* или *Трампостан* (что, конечно же, надо отделять от тех случаев, где имеются в виду не США целиком, а лишь штаты, где большинство голосовало на выборах за Дональда Трампа), а с 2020 г. соответственно (в разных вариантах и, правда, пока лишь окказионально) — *Байдения, Бидония, Байденленд*,

¹⁷ Государственное регулирование в США. - Чем дальше от Сталина - тем ближе к Гитлеру // Livejournal Либеральный фашизм. — 2008. — 16 июл. — URL: <https://sceptic-rus.livejournal.com/385412.html>

Байденистан или *Бидонистан* (причём, надо сказать, под каким-либо из этих наименований иногда может выступать не США, а Украина — что косвенно подтверждает наличие упомянутой ранее семьи «подчинения заокеанскому хозяину»).

Сюда же попадают некоторые названия городов: рус. *Бандерштадт* — Львов (хотя данный топоним иногда иронически употребляется самими жителями города) — здесь любопытен также иноязычный формант *-штадт*, по своей стилистической функции явно схожий с вышеупомянутым *-ленд* и в данном случае намекающий на немецкое происхождение нацистской идеологии.

В английском языке небольшое количество пейоративных топонимов либо образуется, либо включает в себя намёк на организации и политические течения: *Zionistan* — Израиль, *Naziland* — Германия (аналогично случаю с *Hitlerstan*, под этим именем зачастую имеется в виду не гитлеровская Германия, а именно современная ФРГ), *Amerikkka* — США (где *-kkk*-отсылает к наименованию расистской организации Ку-Клукс-Клан, аббревиатура которого выглядит как КKK). В русском языке образование пейоративных топонимов от названий организаций почти не встречается, в виде исключения можно указать *Фашингтон* — Вашингтон. Их функциональным аналогом выступают образования с формантом *-рейх*, отсылающие к образу Третьего рейха: *Салорейх*, *Свинорейх*, *Рагульрейх* — Украина.

Напротив, довольно значительно в русском языке количество пейоративных топонимов, отсылающих к прецедентным высказываниям. Что характерно, референтом подобных ПТ выступает почти исключительно Украина: *Цеевропа* (от лозунга «Україна — це Європа», под которым провёлся Майдан), *Понадусерия* (от популярного в среде украинских националистов лозунга «Україна понад усе», то есть «превыше всего» в сочетании со скатологиче-

ским компонентом), различные вариации на тему первой строки государственного гимна («Ще не вмерла України ни слава, ни воля...»): *Щеневмерла*, *Щенесдохла* — или, наоборот, *Ужесдохла*. В виде исключения, по образцу ПТ *Щеневмерла* строится окказиональное пейоративное обозначение Польши: статья о нерешённых вопросах украинско-польских отношений получает заголовок «*Щеневмерла*» против «*Щенесгинелой*»¹⁸.

Говоря о государственных символах, к которым очевидным образом относятся гимны, нельзя не упомянуть и об аллюзиях на флаг и герб, но ПТ такого рода было обнаружено только два: *Матрасия* — США¹⁹ (звёздно-полосатый флаг в Рунете уничижительно называют *матрасом*) и *Страна-404* (о котором будет сказано ниже), имеющий к гербу весьма опосредованное отношение.

Совершенно особый случай представляет собой *Мордор* — Россия: номинация, по выражению Е.М. Ивановой, «экспортированная» из украинского политического дискурса и активно используемая оппозиционными российскими медиа (противопоставляющими себя российскому государству, то есть видящими в нём «чужака») [Иванова, 2021]. Эта в чистом виде отсылка на культурно значимое литературное произведение («Властелина колец» Дж.Р.Р. Толкина) сама по себе формально является прецедентной, однако в круг её импликаций входит расчеловечивание: легендарный Мордор населяли орки и гоблины, здесь же нечеловеческая природа метафорически переносится на россиян.

Скатологические и матические топонимы

Как в английском, так и в русском языке фиксируются топонимы, в которых проявляется ассоциация чужой территории с чем-то грязным и отвратительным, от-

¹⁸ «ЩЕНЕВМЕРЛА» ПРОТИВ «ЩЕНЕСГИНЕЛОЙ». ЮРИЙ СЕЛИВАНОВ // Скарлетт на КОИТ. — 2018. — 10 фев. — URL: <https://cont.ws/@alina99/849406>

¹⁹ По улице Милошевича через площадь Каддафи... Чем ответить на американский демарш? // Военное обозрение. — 2018. — 15 янв. — URL: <https://topwar.ru/133619-po-ulice-miloshevicha-cherез-ploschad-kaddafi-chem-otvetit-na-amerikanskiy-demarsh.html>

носящимся, по выражению М.М. Бахтина, к сфере телесного низа. Причём характерно, что и там, и там они образуются преимущественно путём словослияния. В английском языке наблюдаются топонимы *Cuntada* (*cunt + Canada*) — Канада²⁰, *Shitlerland* (*shit + Switzerland*) — Швейцария²¹, *the Shitlands* — Шетландские острова (*the Shetlands*)²², *Binland* (*bin* 'мусорная корзина' + *Finland*) — Финляндия²³, в русском же это *Усраина*, *Урина*²⁴, вышеупомянутая *Понадусерия* — Украина²⁵, *Кувев* — Киев²⁶, *Евжона* — Европа²⁷, *Сраиль* — Израиль²⁸, *Говномерика* — США²⁹, *Хермания* — Германия (в этом случае возможна дополнительная аллюзия на немецкое обращение *Herr* 'господин')³⁰. Такие топонимы, вероятно, относятся к проявлениям этологической модели, в рамках которой «чужой» ощущается как некто, вызывающий отторжение на физическом уровне, и осуществляют перенос такого восприятия с самого чужака на его территорию.

В небольшом (меньшем, чем ожидалось) количестве наблюдаются ПТ, в которых чужая земля ассоциируется с чем-то опасным и жестоким, такие как англ. *Terrorussia*³¹, *People's Rethuglic of China* (от *thug* 'бандит, головорез')³² и рус. *Террораша* (вероятно, заимствование из английского)³³, *Уркаина*

(где, впрочем, не исключено графическое искажение без ссылки на уголовный жаргон)³⁴.

Топонимы, основанные на подражании языку

В русском языке фиксируется некоторое количество уничижительных топонимов, основанных на подражании звучанию языка соответствующей территории, либо акценту выходцев оттуда. Это такие топонимы, как *Азербиджян*, *Кауказ*, *Эуропа* (однако, здесь трудно провести грань между собственно подражанием акценту и нарочитым искажением). Сюда же следует отнести топонимы, основанные на характерных фразах жителей какой-либо страны, например, *Курвостан* — Польша (от стереотипно польского обценного восклицания «*Kurwa!*», не нуждающегося в переводе) и использование эндонима в качестве пейоративного топонима: *Кыив* (укр. *Kyiv*), *Тачикистон* (тадж. *Тоҷикистон*), *Озбекистон* (узб. *O'zbekiston/Ўзбекистон*), *Ромыния* (рум. *România*). Важно оговориться, что этот способ не всегда придаёт отрицательную коннотацию: для Грузии фиксируется использование эндонима — *Сакартвело*, но в качестве мелиоративно-

²⁰ Cuntada // Wiktionary. — 2022. — 24 feb. — URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/Cuntada>

²¹ Switzerland sucks // Just Landed. — 2008. — 30 jun. — URL: <https://www.justlanded.com/english/Switzerland/Forums/Culture/Switzerland-sucks>

²² Shitlands // Wiktionary. — 2018. — 28 nov. — URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/Shitlands>

²³ NAF UGLY // Hltv.org. — URL: hltv.org/forums/threads/2269930/naf-ugly, дата посещения — 07.11.22.

²⁴ Усраина // Neolurk. — 2023. — 15 июн. — URL: <http://neolurk.org/wiki/%D0%A3%D1%81%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B0>

²⁵ Понадусерия убераллесная гневно потребовала от Лондона убрать «трезубец» из пособия по экстремизму // Fishki.net. — 2020. — 20 янв. — URL: <https://fishki.net/anti/3205523-ponaduserija-uberallesnaja-gnevno-potrebovala-ot-londona-ubraty-trezubec-iz-posobija-po-jekstremizmu.html>

²⁶ Кувев//Неолурк, народный Lurkmore. — 2023. — 18 фев. — URL: <http://neolurk.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%B5%D0%B2>

²⁷ Казиев Е. Вот она, хваленая ЕвЖона! // NewsLand. — 2012. — 30 июл. — URL: <https://maxpark.com/user/1670712120/content/1434544>

²⁸ Израиль // зеркало lurk Lurkmore. — 2011. — 29 июн. — URL: <http://lurklurk.com/%D0%98%D0%B2%D1%80%D0%B8%D1%82>

²⁹ Чем гордишься ты? // Черный квадрат: ВКонтакте. — 2020. — 5 июн. — URL: https://vk.com/wall-172738438_2048589

³⁰ Удивительная страна Хермания. — 2004. — 8 фев. — URL: <https://guns.allzip.org/topic/52/259.html>

³¹ QRUSH project // ESR. — 2018. — 5 мар. — URL: <https://www.esreality.com/post/2909867/qrush-project/>

³² People's Republic of China // Bharat Rakshak. — 2009. — 22 Nov. — URL: <https://forums.bharat-rakshak.com/viewtopic.php?t=5304&start=3080>

³³ Бананов В. "Тепловая" карта Интернета // banana.by. — 2014. — 30 авг. — URL: <https://banana.by/index.php?newsid=236396>

³⁴ Уркаина // Wiktionary. — 2022. — 16 авг. — URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%A3%D1%80%D0%BA%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B0>

го, поэтического наименования (допустим, оно может встретиться в туристическом путеводителе: «*Сакартвело* — прекрасная страна! Не надо верить на слово, почувствуйте это. Скажите “Гамарджоба!” на таможне и улыбайтесь, пейте вкуснейшее вино и наслаждайтесь особой атмосферой Тбилиси, путешествуйте по горным районам и открывайте свою Грузию»³⁵ — тогда как с уничижительной окраской употребляется его английский эквивалент *Джорджия*: «К тому же, если на то пошло (простите за невольный каламбур про “на то”), в этот агрессивный блок входят и страны, которые вообще не имеют морских границ, так что *Джорджия* и *Шумеристан* — ещё очень даже ничего»³⁶. В отношении Украины аналогичным образом применяется англицизм *Юкрейн* — иногда с уточнением «штат»³⁷.

В своём роде уникален — и вместе с тем сходен с *Джорджиёй* пример *Латвиджа*, так как представляет собой нарочито эрративное прочтение написания данного топонима на языке оригинала — собственно, латыш. *Latvija* [latvija] — по правилам английского языка, то есть здесь также имеем подражание акценту, только не латышскому, а английскому (и опять-таки вспоминаем о семе «хозяев из-за океана»).

Некоторым образом к данной группе примыкают также рассмотренные ранее топонимы, основанные на прецедентных высказываниях, поскольку высказывание является языковым фактом, а стало быть, подобные единицы с неизбежностью содержат в себе компонент лингвистического переноса.

Топонимы, содержащие эксплицитную отсылку к «чужому пространству»

Вопреки ожиданиям, среди ксенопейоративных топонимов, которые, казалось бы, должны нести в себе идею «чужого» пространства, обнаружилось удивительно мало таких, которые содержали бы прямое указание на географические характеристики самого этого пространства (и относились, таким образом, к гетеротопической модели). В английском языке это *Sandland* ‘земля песка’³⁸ и образованное не напрямую, но от соответствующего этнопейоратива *Sandniggerland* ‘земля песчаных ниггеров’, т.е. арабов — Ближний Восток, а также *Israhell* (*Israel + hell* ‘ад’) — Израиль³⁹, если ад понимать как крайнюю степень проявления пространственной чуждости, место, абсолютно враждебное человеку. Среди русскоязычных топонимов таких не выявлено вовсе, за исключением ойконима *Болотоград* — Санкт-Петербург, однако он, как не относящийся к полю заграницы, выпадает за рамки настоящего исследования.

В русском языке представлены уподобления близлежащих земель более дальним краям. Помимо группы названий на *-ленд*, к этой категории, возможно, стоит отнести такие топонимы, как *Луганда* (от *Уганда*⁴⁰) — Луганская Народная Республика и *Домбабве* (от *Зимбабве*) — Донецкая Народная Республика. Нетрудно, впрочем, заметить, что они содержат отсылки на неблагоприятные африканские государства с импликацией бедности, беззакония и дикости населе-

³⁵ Дергачева П. Как влюбиться в Грузию // Poruski.me. — 2018. — 25 июн. — URL: <https://poruski.me/2018/06/25/02-kak-vlubitsya-gruziu/>

³⁶ Заметка для КП от 25 марта // LiveJournal M. Ю. Соколова. — 2019. — 25 мар. — URL: <https://m-yu-sokolov.livejournal.com/4246533.html>

³⁷ Патриоты РОССИИ, №1362806652 // Фотострана. — 2017. — 11 апр. — URL: <https://fotostrana.ru/public/post/237496/1362806652/>

³⁸ Sandland // Wiktionary. — 2023. — 12 jun. — URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/Sandland>

³⁹ Israhell // Urban Dictionary. — 2010. — 5 apr. — URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Israhell>

⁴⁰ Непосредственно «луганда» — название одного из языков Уганды, однако есть некоторое сомнение, что большинство употребляющих ПТ Луганда в речи когда-либо о нём слышало.

ния, так что вопрос об их первоначальной гетеротопической природе не вполне ясен.

Топонимы, содержащие идею обобщённой неправильности «чужого» пространства

Некоторые ПТ основаны на намеренном искажении графической и фонетической формы нейтрального варианта. В русском языке это *Кетай*, *Омерика* (с вариантом *Омерека*)⁴¹, *Хранция*⁴² (*Второй Хранцией* при этом иронически называют Украину⁴³).

Иногда толчком для образования пейоративной топонимике может послужить реальное прецедентное событие, но в итоге получившееся наименование вписывается и в иную схему (таково происхождение топонима *Роусся*, ведущего происхождение от случайно допущенной опечатки, но «удачно» попавшего в уже существующую модель, основанную на искажении графического и фонетического облика исходного наименования).

Здесь также используется прямое заимствование пейоративных топонимов из одного языка в другой (англ. *Murika* 'Америка в смысле США' и употребляющееся параллельно с ним рус. *Мурика* — то же, которое очевидным образом не могло быть образовано на русской почве, так как переход *e* в *у* с точки зрения русского языка не мотивирован ничем ни фонетически, ни семантически, тогда как в американском варианте английского языка *-er-* и *-ur-* в данной позиции произносятся одинаково — [э]).

Пример *Страна-404* — Украина, являющий собой общеизвестную для интернет-пользователей отсылку на так называемую *ошибку 404* — «Страница не найдена» интересен тем, что, помимо аллюзии на государственный символ, так называемый тризуб, отдалённо напоминающий циф-

ры 404 с зеркально развёрнутой первой четвёркой, содержит как бы обобщённое указание о фундаментальной неправильности, ошибочности «чужой» территории, чем замечательно иллюстрирует мифологическую модель дихотомии (ведь как раз Украина, особенно постмайданная, служит в российском интернет-пространстве своего рода юнговским образом Тени — аналогичным образом в украинском интернет-пространстве в этой роли выступает Россия). Ещё дальше заходит такой ПТ, как *Территория-404*, отказывающий референту (Украине) в самом статусе страны.

Плодотворным видится развитие мысли об иконической манифестации таким образом идеи неправильности и ущербности. Говоря простым языком, когда у нас есть только нейтральный топоним и ничего другого, то простейшим способом образовать от него экспрессивный синоним является его нарочито исковерканное написание — сама ненормативная форма передаёт в данном случае мысль о ненормальности содержания.

Топонимы с недифференцированной оценочностью

Наконец, некоторые топонимы русского языка — такие как *Бриташка*, *Гермашка*, *СШАшка* — содержат недифференцированную пейоративную маркированность, выражённую уничижительным суффиксом. Эти единицы явно образованы по аналогии с ПТ *Рашка* (и, по-видимому, в определённом смысле в виде ответа на него), но также и по образцу активной модели образования пейоративных антропонимов (*америкашка*, *итальяшка*, *охраняшка*), в том числе и не ксенологических (к примеру, *старикашка*). В англоязычной пейоративной топонимике подобную суффиксальную модель выявить не удалось,

⁴¹ Омерека - поистине страна чудес // LiveJournal Новости всемирного Абсурдистана. — 2014. — 25 янв. — URL: <https://ru-crazy-news.livejournal.com/92766.html>

⁴² Про принцип трёх «Ф» // Пикабу. — 2021. — URL: https://pikabu.ru/story/pro_printsip_tryokh_f_7697313

⁴³ Вторая хранция таки догнала Германию...год 2119 // Форум всяя Великия и Малыя и Бельяя России. — 2019. — 7 фев. — URL: <https://for-ua.info/viewtopic.php?f=2&t=83796>

аналогичные русским уничижительно маркированные суффиксы *-y/-ie* и *-o* ведут себя иначе: первый из них в сочетании с топонимами придаёт им положительную эмотивную нагрузку (по данным лексикологов, такие прозвища, как *Tassie* — Тасмания, *Lanky* — Ланкашир, *Phillie/y* — Филадельфия и др. употребляются в основном самими местными жителями и выражают их тёплое отношение к родному краю [Бодулева, 2013]), второй же вовсе не сочетается с именами мест.

Выводы

Согласно проведённым подсчётам, этологическая модель проявляется примерно в 23% английской пейоративной топонимики и 25% русской. Действие мифологической модели можно обнаружить в 38% английских и 52% русских ПТ, если же присовокупить сюда случаи, где она проявляется в словообразовательных пейоративных формантах, то доля мифологической модели возрастёт в каждом из языков примерно до 70%. Гетеротопическая модель представлена лишь в 4% англоязычных топонимов, в русском же языке не выявлена вообще. Отдельную группу составляют топонимы, образованные от прецедентных феноменов, отношение к которым преимущественно отрицательно — от имён правителей, названий движений, организаций или исторических событий, с которыми так или иначе связано прошлое или настоящее данной территории, а также — правда, только в русском языке — от наиболее значимых государственных символов (обычно гимна, в редких случаях — флага и герба) — таких около 14% в английском и примерно 20% в русском, при этом с какой-либо моделью их соотнести сложно (пассеистическая здесь не подходит, так как феномены по большей части относятся к настоящему и недавнему прошлому). Намеренное искажение формы присуще в основном русскому языку — в английском выявлен лишь один пример такого рода.

Плодотворным видится развитие мысли об иконической манифестации через неверное написание идеи фундаментальной неправильности и ущербности «чужого», его противоестественности, то есть такие ксенопейоративные топонимы тоже можно считать проявлениями мифологической модели. Наконец, и среди ксенопейоративных топонимов нашлись такие, которые затруднительно отнести к какой-либо модели из-за недифференцированности их пейоративной окраски: в английском эта группа составляет также примерно 14%, в русском — около 18%.

Таким образом, в подавляющем большинстве пейоративных топонимов соответствующее место ассоциируется либо с чем-то грязным и физически отвратительным (в чём мы видим признак действия этологической модели), либо с чем-то, воспринимающимся как противное человеческому естеству (так может проявляться мифологическая модель), либо с чем-то жестоким и опасным (впрочем, эта модель встречается почему-то крайне редко). Если слить всё в единую картину, то иной топос предстаёт как уродливое, неприятное место, где живут люди (а иногда и не совсем люди), наделённые странными, аномальными пищевыми привычками и противоестественными сексуальными предпочтениями, где пространство само по себе искажено и ущербно. Опасного в нём мало, скорее оно выглядит отталкивающим и достойным осмеяния.

Впрочем, стоит оговориться, что специфика именно такого результата может напрямую вытекать из специфики выборки: пейоративные топонимы в силу своей природы по преимуществу употребляются в контексте уничижительного ксенофобного дискурса, если же обратиться к иным контекстам, картина, по всей вероятности, уравнивается за счёт нейтрального и откровенно ксенофильного дискурса и в целом будет выглядеть скорее неоднозначной и противоречивой — однако это выходит за рамки настоящего исследования.

Список условных сокращений:

Англ. — английский язык, гот. — готский язык, др.-англ. — древнеанглийский язык, др.-в.-нем. — древневерхненемецкий язык, др.-сев. — древнесеверный (древнескандинавский) язык, лат. — латинский язык, латыш. — латышский язык, ПТ — пейоративный топоним, рум. — румынский язык, рус. — русский язык, Свердл. — Свердловская область, тадж. — таджикский язык, узб. — узбекский язык, укр. — украинский язык, фр. — французский язык.

Список литературы:

- Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. — Москва: Наука, 1965. — 250 с.
- Леви-Строс К. Мифологии: Сырое и приготовленное. — Москва: FreeFly, 2006. — 398 с.
- Лотман Ю.М. Понятие границы // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исследования, заметки. — Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1996. — С. 257–267.
- Брунова Е.Г. Представления о своей земле в английском языке и культуре // Вестник Челябинского государственного университета. — 2007. — № 15. — С. 33–42.
- Даркевич В.П. Нечеловеческие лики чудовищных племён // Культурология. — 2016. — №2. — С. 148–152.
- Феоктистова Е.И. К вопросу о пейоративах // Вопросы ономастики. — 1979. — № 13. — С. 79–86.
- Лысенко В.Г. Познание чужого как способ самопознания (попытка ксенологии) // Россия в диалоге культур. — Москва: Наука, 2010. — С. 90–102.
- Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. — Москва: ЗАО "Совершенство"; Киев: Порт-Рояль, 1997. — 382 с.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. — Санкт-Петербург: Русский мир. 2006. — 636 с.
- Лысенко В.Г. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) // Вопросы философии. — 2009. — № 11. — С. 61–77.
- Потебня А.А. Слово и миф. — Москва: Правда, 1989. — 622 с.
- Иванова Е.М. Риторический модус дискурсивных практик современного русского национализма // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2021. — № 4. — С. 30–41. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-3>
- Бодулева А.Р. Функционально-прагматические особенности суффиксированных сокращений с исходом на -ie/y (на материале английского языка) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2013. — № 1. — С. 170–174.
- Suler J. The Online Disinhibition Effect // *CyberPsychology & Behavior*. — 2004. — Vol. 7, № 3. — P. 321–326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>

References:

- Boduleva, A. R. (2013) 'Functional and pragmatic features of suffixed shortenings ending in -ie/y (based on the english language material)', *Vestnik Krasnoârskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V.P. Astafeva*, (1), pp. 170–174. (In Russian).
- Brunova, E. G. (2007) 'Predstavlenija o svoej zemle v anglijskom jazyke i kultjure [The views on their own land in the English language and culture]', *Vestnik Čelâbinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (15), pp. 33–42. (In Russian).
- Darkevich, V. P. (2016) 'Nechelovecheskie liki chudovischnyh plemjon [The inhuman faces of monstrous tribes]', *Kul'turologiâ*, (2), pp. 148–152. (In Russian).

Feoktistova, E. I. (1979) 'K voprosu o pejorativah [On the issue of pejoratives]', *Voprosy onomastiki*, (13), pp. 79–86. (In Russian).

Ivanov, V. V and Toporov, V. N. (1965) *Slavjanskije jazykovye modelirujuschie semioticheskie sistemy [Slavic language modeling semiotic systems]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Ivanova, E. M. (2021) 'Rhetorical mode of discursive practices of modern Russian nationalism', *Cherepovets State University Bulletin*, 4(103), pp. 30–41. (In Russian). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-3>

Jung, C. G. (1997) *Dusha i mif: shest' arhetipov [Soul and Myth: the six Archetypes]*. Moscow: ZAO Sovershenstvo Publ.; Kiev: Port-Royal Publ. (In Russian).

Levi-Strauss, C. (1964) *Mythologiques I: Le Cru et le cuit*. Paris: Éditions Plon. (Russ. ed.: (2006) *Mifologiki: syroe i prigotovlennoe*. Moscow: FreeFly Publ.).

Lotman, Y. M. (1996) 'Ponjatie granicy [The concept of boundary]', in *Semiosfera. Kuljtura i vzryv. Vnutri mysljaschih mirov. Statji, issledovanija, zametki. [Semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles, studies, notes]*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., pp. 257–267. (In Russian).

Lysenko, V. G. (2009) 'Knowledge of Another's as the Way of Self-Knowledge', *Voprosy Filosofii*, (11), pp. 61–77. (In Russian).

Lysenko, V. G. (2010) 'Poznanie chuzhogo kak sposob samopoznaniya (popytka ksenologii) [Knowing the alien as a way of self-knowledge (an attempt of xenology)]', in *Rossija v dialoge kuljtur [Russia in the Dialogue of Cultures]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 90–102. (In Russian).

Potebnja, A. A. (1989) *Slovo I mif [Word and myth]*. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).

Said, E. W. (1978) *Orientalism*. New York: Pantheon Books. (Russ. ed.: (2006) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka*. Saint Petersburg: Russkij mir Publ.).

Suler, J. (2004) 'The Online Disinhibition Effect', *CyberPsychology & Behavior*, 7(3), pp. 321–326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Романин — независимый исследователь. 199034, Санкт-Петербург, ул. Шевченко, 25. (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Evghenii Romanin — Independent researcher, 25, Shevchenko st., Saint Petersburg, Russia, 199034 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 19.08.2023; принята к публикации 04.09.2023.

The article was submitted 10.07.2023; approved after reviewing 19.08.2023; accepted for publication 04.09.2023.